

ТРИДЦАТЬ ВТОРОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Понедельник 15 апреля 1946 года, 3 ч. дня Хонтер колледж, Нью-Йорк

Председатель: Г-н ГО Тай-чи (Китай)

Присутствуют представители следующих стран: Австралии, Бразилии, Египта, Китая, Мексики, Нидерландов, Польши, Соединенного Королевства, Соединенных Штатов Америки, Союза Советских Социалистических Республик, Франции.

26. Предварительная повестка дня (S/36)

1. Утверждение повестки дня.
2. а) Письмо представителя Союза Советских Социалистических Республик от 6 апреля 1946 г. на имя Председателя Совета Безопасности (S/30)⁴⁶.
б) Письмо представителя Ирана от 9 апреля 1946 г. на имя Генерального Секретаря (S/33)⁴⁷.
3. а) Письмо представителя Польши от 8 апреля 1946 г. на имя Генерального Секретаря (S/32)⁴⁸.
б) Письмо представителя Польши от 9 апреля 1946 г. на имя Генерального Секретаря (S/34)⁴⁹.

27. Утверждение повестки дня

Повестка дня утверждается.

28. Обсуждение иранского вопроса (продолжение)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (говорит по-английски): Что касается подпунктов а и б пункта 2, относящихся к документам S/30 и S/33, я хочу прочесть письмо иранского представителя, датированное в Нью-Йорке 15 апреля, которое он передал мне сегодня в 2 часа дня:

«9 апреля 1946 г., согласно инструкциям моего правительства, я имел честь объяснить позицию означенного правительства в отношении предъявленного представителем Союза Советских Социалистических Республик требования Совету Безопасности о том, чтобы Совет снял со своей повестки все вопросы, относящиеся к продолжающемуся нахождению советских войск в Иране и к вмешательству во внутренние дела Ирана.

В моем письме я сообщал Совету о желании моего правительства, чтобы эти вопросы были оставлены на повестке дня Совета, как это предусмотрено резолюцией, принятой 4 апреля 1946 года⁵⁰.

⁴⁶ См. Официальные отчеты, Совет Безопасности, первый год, первая серия, Дополнение № 2, приложение 2е.

⁴⁷ Там же, приложение 2г.

⁴⁸ Там же, приложение 3а.

⁴⁹ Там же, приложение 3б.

⁵⁰ См. тридцатое заседание.

Вчера, 14 апреля, мое правительство поручило мне сделать в Совете Безопасности следующее заявление:

«В результате подписанного между правительством Ирана и правительством Союза Советских Социалистических Республик соглашения, было решено, чтобы Красная Армия очистила всю персидскую территорию к 6 мая 1946 года. Иранское правительство не сомневается в том, что условия этого соглашения будут выполнены, но в то же время не считает себя вправе определять линию поведения Совета Безопасности».

Сегодня утром я получил от своего правительства следующую телеграмму:

«Ввиду того что сегодня, 14 апреля, посол СССР вновь категорически подтвердил, что безоговорочная эвакуация Красной Армии с иранской территории будет закончена к 6 мая 1946 года, необходимо, чтобы Вы немедленно сообщили Совету Безопасности, что иранское правительство вполне верит слову и обещанию правительства СССР и по этой причине берет обратно свою жалобу Совету Безопасности».

Гуссейн АЛА
Посол Ирана»

А. А. ГРОМЫКО (Союз Советских Социалистических Республик): В своем письме от 6 апреля сего года я поставил по поручению советского правительства вопрос о том, чтобы иранское обращение было снято с повестки дня Совета Безопасности. В этом письме мною были изложены мотивы, в силу которых советское правительство поставило этот вопрос. Я напомню о том, что еще 26 марта, когда Совет Безопасности приступил к рассмотрению заявления иранского правительства от 18 марта⁵¹ о задержке вывода советских войск из Ирана, я предложил не включать этот вопрос в повестку дня Совета. Я указывал при этом, что, по договоренности с иранским правительством, 24 марта началась эвакуация советских войск из Ирана, которая должна закончиться в пяти-шести недельный срок, и что, ввиду наличия такой договоренности, нет основания для рассмотрения Советом Безопасности иранского вопроса.

К сожалению, мое предложение тогда не нашло поддержки со стороны большинства членов Совета Безопасности. Между тем, переговоры между советским и иранским правительствами, на ду советским и иранским правительствами, на 27 марта, продолжались.

Согласно совместному советско-иранскому коммюнике от 4 апреля, между советским и иранским правительствами была достигнута договоренность

⁵¹ См. Официальные отчеты, Совет Безопасности, первый год, первая серия, Дополнение № 2, приложение 2а.

по всем вопросам. Таким образом, полностью подтвердилось заявление, которое было сделано мною ранее Совету Безопасности, — повторяю: полностью подтвердилось, — и, следовательно, полностью подтвердилась искусственность и необоснованность постановки иранского вопроса на рассмотрение Совета.

В моем письме указывается также на то, что советское правительство не может пройти мимо постановления Совета Безопасности, принятого 4 апреля по предложению представителя Соединенных Штатов. Согласно этому постановлению, обсуждение иранского вопроса должно быть продолжено 6 мая. Это решение было вынесено несмотря на то, что советское правительство 3 апреля вновь подтвердило наличие договоренности, достигнутой между советским и иранским правительствами об эвакуации советских войск из Ирана. Такое подтверждение было сделано в моем письме от 3 апреля⁵² на имя Генерального Секретаря.

Решение Совета Безопасности от 4 апреля могло бы быть обоснованным только в том случае, если бы положение в Иране представляло угрозу международному миру и безопасности, как это предусмотрено соответствующими статьями Устава Организации Объединенных Наций, в частности статьей 34. Согласно Уставу Совет Безопасности должен заниматься рассмотрением споров и ситуаций, которые могут угрожать поддержанию международного мира и безопасности. Имелись ли данные и имеются ли сейчас какие-либо основания утверждать, что положение в Иране представляло или представляет в какой бы то ни было степени угрозу миру и безопасности? Подобные утверждения могут исходить только от людей, потерявших способность ощущать реальность. Я полагаю, что сейчас для всех стало очевидным, что положение в Иране не подходило и не подходит к определению, данному соответствующими статьями Устава. Раз так, то следовательно решение Совета от 4 апреля находится в противоречии, как со смыслом, так и с буквой Устава.

Я хочу также обратить внимание членов Совета Безопасности на следующее важное обстоятельство. Решение Совета Безопасности по рассматриваемому им тому или иному спору не может выноситься без заслушивания обеих сторон, замешанных в этом споре. Что означает это вытекающее из Устава положение в связи с данным конкретным вопросом, вопросом, поставленным перед Советом 18 марта сего года Ираном? Это означает, что Совет Безопасности не может, не нарушая Устава, выносить решение, подобное тому, которое было вынесено 4 апреля, без того чтобы заслушать обе непосредственно заинтересованные в споре стороны.

Как известно, советское правительство выразило в свое время готовность обсудить поставленный Ираном вопрос 10 апреля с. г., о чем мною было сделано соответствующее заявление на заседании Совета Безопасности 26 марта⁵³.

Известно также, что непринятие этого предложения сделало невозможным для меня, как советского представителя, принимать участие в

обсуждении заявления иранского правительства до 10 апреля, ибо такое обсуждение было беспредметным, ввиду происходивших прямых переговоров между Ираном и Советским Союзом и ввиду уже достигнутой к тому времени договоренности между обеими сторонами относительно вывода советских войск из Ирана, т. е. договоренности по вопросу, который и был поставлен Ираном в его обращении в Совет Безопасности 18 марта. Следовательно, уже тогда было очевидно, что, при сложившихся к тому времени обстоятельствах, обсуждение и рассмотрение так называемого иранского вопроса не имело никакого смысла. Совет Безопасности, тем не менее, продолжал обсуждение иранского обращения и при явно одностороннем освещении фактов, относящихся к этому вопросу, принял указанное выше решение от 4 апреля — об оставлении иранского вопроса на повестке дня и о продолжении его рассмотрения 6 мая.

Я считаю нужным обратить внимание еще на один момент уже скорее юридического характера. Вынесение Советом Безопасности какого бы то ни было решения по любому спору или ситуации предполагает, что уже имеется решение о том, является ли рассматриваемый Советом Безопасности вопрос спором или ситуацией, а если является спором, то подпадает ли таковой под определение соответствующих статей Устава и, следовательно, заслуживает ли он дальнейшего рассмотрения Советом Безопасности. Считаю нужным напомнить, что никакого подобного решения в связи с обращением иранского правительства Совет Безопасности не выносил. Да это и понятно, ибо трудно было бы доказать, что существовавшее или существующее положение в Иране представляет в какой бы то ни было степени угрозу поддержанию международного мира и безопасности. Тем не менее, Совет все же решил, во-первых, рассматривать иранский вопрос без участия представителя Советского Союза, и во-вторых, после завершения определенной стадии рассмотрения, 4 апреля, вынес решение о продолжении его рассмотрения 6 мая.

Приведенные в моем письме от 6 апреля доводы, а также сделанные мною на данном заседании Совета дополнительные разъяснения, я надеюсь, показывают полную обоснованность требования советского правительства о снятии иранского вопроса с повестки дня Совета Безопасности.

Обоснованность этого требования очевидна, даже если бы мы имели положение, существовавшее до того, как иранское правительство само заявило, что оно берет обратно свое заявление. Таким образом, теперь иранское правительство поняло, что продолжать держать поднятый им вопрос на повестке дня бессмысленно. Поняв это, оно взяло обратно свое заявление. Совет Безопасности, таким образом, не имеет предмета для дальнейшего рассмотрения. В свете создавшегося положения, его задача сегодня состоит в том, чтобы констатировать, что иранский вопрос считается снятым с повестки дня Совета.

Г-н СТЕТТИНИУС (Соединенные Штаты Америки) (*говорит по-английски*): Делегация Соединенных Штатов конечно рада узнать, что по

⁵² См. двадцать девятое заседание.

⁵³ См. двадцать шестое заседание.

мнению Союза Советских Социалистических Республик и Ирана существовавшие между ними разногласия находятся на пути к удовлетворительному для обеих сторон разрешению.

Внимание Совета Безопасности было дважды обращено на трения между правительствами СССР и Ирана.

Первый раз иранское правительство подало жалобу на деятельность советских войск на иранской территории, которая, по утверждению Ирана, недопустима и не дозволена Трехсторонним договором от 29 января 1942 г.⁵⁴, а также затрагивает суверенные права Ирана.

Второй раз иранское правительство подало жалобу по поводу продолжающегося присутствия советских войск на территории Ирана без разрешения иранского правительства, после установленной договором даты для увода этих войск.

По мнению делегации Соединенных Штатов, жалобы иранского правительства были поданы Совету Безопасности надлежащим образом, в соответствии со статьей 34 Устава.

Естественная обязанность Совета — принимать жалобу от любого суверенного государства о том, что иностранные войска находятся на его территории в целях, не дозволенных договором. Естественная обязанность Совета — принимать жалобу от любого суверенного государства о том, что иностранные войска продолжают находиться на его территории без его на то согласия и после установленного договором срока.

Такие жалобы представляют собой серьезные проблемы согласно пункту 4 статьи 2 Устава, касающемуся «угрозы силой или ее применения как против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства, так и каким-либо другим образом, несовместимым с целями Объединенных Наций». Когда такие жалобы поступают в Совет Безопасности, недопустимо, конечно, чтобы Совет стал на ту точку зрения, что продление положения, на которое была подана жалоба, не угрожает международному миру и безопасности.

Когда 4 апреля Совет принимал резолюцию относительно иранского вопроса, он имел от правительства СССР заверение в том, что увод советских войск уже начался и будет закончен к 6 мая и что этот увод не обусловливается никакими другими вопросами, обсуждаемыми двумя правительствами. Это заверение и готовность иранского правительства его принять были основой для действий Совета.

Я подчеркиваю тот факт, что это заверение было дано самому Совету и что 4 апреля Совет решил оставить этот вопрос на повестке дня до 6 мая в уверенности и надежде, что к этому дню факт увода советских войск положит конец вопросу, находящемуся на рассмотрении Совета во всех его фазах.

Таким образом, данное Совету заверение и меры, принятые Советом, находятся во взаимной связи.

Нас просят теперь снова рассмотреть этот вопрос и сделать это до 6 мая. Нам не говорят, что в связи с уводом войск обстановка в каком-либо отношении с 4 апреля изменилась. Ни правительство СССР, ни правительство Ирана не указывают на то, что данное заверение может не быть выполнено или что оно будет выполнено раньше, чем это предполагалось 4 апреля.

Пересмотр этого дела в настоящее время вызывает много трудных и серьезных вопросов, которые, как верит и надеется мое правительство, будут разрешены уводом войск, согласно заверению, данному правительством СССР. Мы не видим, какое преимущество нам может дать рассмотрение этих вопросов в той промежуточной стадии, в которой они находятся сейчас.

По этим причинам мое правительство полагает, что нет серьезных оснований для изменения принятой Советом 4 апреля процедуры в отношении иранского вопроса, и поэтому оно не будет поддерживать предложения снять теперь иранский вопрос с повестки дня.

Мы искренне надеемся, что 6 мая, когда нам сообщат, что увод советских войск из Ирана закончен, Совет сможет снять этот вопрос со своей повестки дня.

Г-н ван-КЛЕФФЕНС (Нидерланды) (*говорит по-английски*): Я хотел бы, чтобы этот вопрос рассматривался с точки зрения общих принципов, а не только как отдельный случай.

Согласно статье 24 Устава Совет действует от имени всех государств-членов Организации Объединенных Наций. В обязанности Совета входит представление Генеральной Ассамблеи докладов о его деятельности. Мне кажется поэтому, что Совет подвергнется справедливой критике, если он прекратит рассмотрение какого-либо вопроса до его фактического урегулирования.

Я полагаю, что ни одно государство, являющееся стороной в споре или ситуации, находящихся на рассмотрении Совета Безопасности, не имеет законного основания возражать против решения Совета оставить вопрос на повестке дня до тех пор, пока его разрешение действительно не проведено в жизнь. Мне кажется, что это не может быть ни в каком отношении унижительным ни для одной из заинтересованных сторон.

Я хочу сделать одно сравнение. Предположим, что мы одолжили деньги кому-нибудь, кому мы всецело доверяем. Мы конечно не подвергаем сомнению его обещание заплатить, но, по общепринятому обычаю, мы все же ведем учет его долгу до тех пор, пока он действительно не погашен. Это — не отсутствие доверия, а правильное ведение дел.

Что бы ни говорил Иран, Совет несет свою собственную ответственность. Это сказано в статье 24 Устава, которую я уже приводил. Это также сказано и в статьях 34, 36, 37 равно как и в других положениях Устава. Мне кажется, что нам следует поступать, как я только что предложил, не только в данном случае, но и во всех случаях. Здесь вопрос не в противопоставлении Совета Безопасности и Союза Советских

⁵⁴ См. Официальные отчеты, Совет Безопасности, первый год, первая серия, Дополнение № 1, приложение 2b, стр. 23.

Социалистических Республик, а в выборе надлежащих принципов ведения дел, предпочтительнее перед менее удачными.

Мне хочется воспользоваться этим случаем, чтобы разобрать два вопроса, которые только что поднял представитель СССР.

Г-н Громыко заявил, что Совет не может вынести решения, прежде чем он не заслушает обе стороны. Это конечно было бы нормальной процедурой; но Устав ясно составлен в предположении того, что обе стороны присутствуют и имеют возможность быть заслушанными. Сущность вопроса заключается повидимому не в том, чтобы обе стороны были заслушаны, а в том, чтобы обеим сторонам была предоставлена всяческая возможность быть заслушанными. Если, как в данном случае, одна из сторон не пользуется предоставленной ей возможностью быть заслушанной, это не препятствует Совету выносить решение по вопросам, в которых голос этой стороны не требуется обязательно. Право вето великих держав есть ограниченное право и не может быть расширено великой державой, являющейся стороной в обсуждаемом в Совете вопросе, за пределы положений Устава простым фактом своего отсутствия на совещаниях Совета.

Представитель СССР заявил также, что Совет рассмотрел иранский вопрос и сделал из него некоторые выводы, а именно, что нам следовало сначала установить, является ли данный вопрос ситуацией или спором. Здесь я хочу пояснить, что Совет никогда не рассматривал иранского вопроса по существу, а только обсуждал, следует ли отложить разбор этого вопроса по существу или нет. Поэтому было совсем излишним и даже бесполезным начинать обсуждение того, является ли иранский вопрос ситуацией или спором, и, по моему мнению, Совет вполне обоснованно воздержался от такого обсуждения.

Сэр Александр КАДОГАН (Соединенное Королевство) (*говорит по-английски*): В своем письме от 6 апреля представитель СССР просит снять иранский вопрос с повестки дня Совета. Он обосновывает свою просьбу тем, что резолюция Совета Безопасности от 4 апреля якобы «неправильна и незаконна, так как противоречит Уставу Организации Объединенных Наций».

Представитель СССР сегодня несколько дополнил свое заявление, сделанное в письме относительно резолюции от 4 апреля. Если я правильно понял советского представителя, у него есть три или четыре основания считать, что эта резолюция незаконна, неправильна и противоречит Уставу.

Во-первых, если я правильно его понял, представитель СССР заявляет, что резолюция была излишней, а следовательно неправильной, так как уже достигнуто соглашение об уходе советских войск из Ирана. Но я должен напомнить, что в то время, когда Совет принимал свою резолюцию, на его рассмотрении находилось письмо, переданное Совету 3 апреля, т. е. накануне, а именно письмо представителя Ирана от 2 апреля, в котором говорится⁵⁵:

«Что касается вмешательства во внутрен-

ние дела Ирана, каковое является предметом первого спора, имели место, во исполнение резолюции Совета Безопасности от 30 января 1946 года, переговоры... Переговоры во исполнение резолюции от 30 января 1946 г. не привели ни к каким положительным результатам, и агенты, должностные лица и вооруженные силы СССР продолжают вмешиваться во внутренние дела Ирана. Они все еще не дают правительству Ирана возможности осуществлять свою власть в провинции Азербайджана. Что касается вывода войск СССР из Ирана, то по этому вопросу не было и не может быть переговоров».

Поэтому, я не считаю правильным заявление, что в то время, когда резолюция была принята, она была излишняя, так как уже было заключено соглашение относительно ухода советских войск.

Во-вторых, мне кажется, мой коллега из Советского Союза заявил, что эта ситуация не могла считаться угрозой миру, что было достигнуто соглашение об уходе войск и что, следовательно, и на этом основании Совету не надо было ничего больше делать.

Возможно, что это правда, — я надеюсь, что это правда, — что соглашение об уходе войск устранило угрозу миру, но в то время, когда Совет принимал свою резолюцию, в этом не было уверенности. Из того, что я вам только что прочел, из сообщений представителя Ирана, находящихся в распоряжении Совета, ясно видно, что существовала опасность нарушения мира. Поэтому мне кажется, что на этом основании резолюция Совета не противоречила Уставу.

В-третьих, представитель СССР, мне кажется, заявил, что Совету не следовало выносить такого решения, так как, если он желал это сделать он должен был вынести предварительное решение о том, имеется ли налицо спор или нет. В этом вопросе я с ним не согласен, так как не думаю, чтобы это было так.

Я кратко напомним положения резолюции от 4 апреля. Эта резолюция начинается с принятия во внимание письма представителя СССР от 3 апреля, содержащего известные заверения в отношении ухода войск, а именно, что уход советских войск уже начат и будет закончен «в полуторамесячный срок».

Совет, приняв во внимание эти заверения, — и, думается, приняв их во внимание с удовлетворением, — просто постановил, что Совет откладывает дальнейшее рассмотрение жалобы Ирана до 6 мая, когда правительству Ирана и правительству Советского Союза предлагается «сообщить Совету, закончен ли вывод всех советских войск из всего Ирана, и когда Совет рассмотрит вопрос о том, какие дальнейшие меры по жалобе Ирана должны быть приняты, если таковые окажутся вообще необходимыми». Это было основным пунктом резолюции Совета, и я утверждаю, что в данном случае дело шло только о вопросе процедуры.

Затем, мне кажется, был еще четвертый вопрос, который поднял представитель СССР, а именно что, прежде чем выносить какое-либо решение по подобному вопросу, Совет должен заслушать обе стороны. Мне не надо останавливаться на этом вопросе, так как его вполне яс-

⁵⁵ См. двадцать девятое заседание.

но и удовлетворительно разобрал представитель Нидерландов.

Таким образом я вынужден сказать, что я не могу считать просьбу представителя СССР о снятии этого вопроса с повестки дня солидно обоснованной выдвинутыми советским представителем соображениями относительно резолюции от 4 апреля. Во всяком случае мое правительство твердо уверено, что позиция Совета в данный момент такова: Совет получил от советского правительства известные заверения, которые он с удовольствием принимает, относительно мер, проведение которых будет закончено в будущем. Это дело касается только правительства СССР и Совета, как такового. Мое правительство считает, что если Совет не проявит дальнейшего интереса к этому вопросу, а умот руки и предоставит все дело своему естественному течению, — он не выполнит своего долга.

Нам был указан срок 6 мая, когда будет закончен вывод войск, и, по мнению моего правительства, этот вопрос должен оставаться на повестке дня до этого срока. Когда настанет этот день, я твердо верю и надеюсь, что нам придется узнать о том, что эвакуация удовлетворительно закончена — удовлетворительно для всех. А пока, если все будет хорошо, если не будет затруднений и препятствий ни с чьей стороны, этот вопрос не должен обсуждаться в Совете. Я надеюсь, что 6 мая мы будем иметь возможность зарегистрировать удовлетворительное окончание всего этого дела.

Полковник ХОДЖСОН (Австралия) (*говорит по-английски*): Рассматриваемый Советом вопрос заключается в том, следует ли по причинам, приведенным представителем Союза Советских Социалистических Республик в его письме от 6 апреля и дополненным его сегодняшним устным заявлением, снять иранский вопрос с повестки дня. Я отвечаю на это.

Когда этот вопрос был впервые внесен на повестку дня, было два главных вопроса, а не один, как на то намекалось сегодня. Первый вопрос — это было заявление о том, что советские должностные лица и вооруженные силы вмешивались во внутренние дела Ирана. Вторым вопросом было присутствие советских войск на территории Ирана в нарушение договора.

Резолюция Соединенных Штатов от 4 апреля относилась только ко второму вопросу. Она совершенно не затрагивала первого вопроса. Эти оба вопроса остались неразрешенными.

В письме иранского правительства⁵⁶ от 2 апреля было сказано, что советские должностные лица, агенты и вооруженные силы продолжают вмешиваться во внутренние дела Ирана. С того времени мы не получали от иранского правительства никаких других сведений по этому вопросу. Мы получили только официальное совместное коммюнике, в котором сообщается, что переговоры закончились полным соглашением по всем вопросам. Что это за полное соглашение? Охватывает ли оно вопросы, которые я только что упомянул? Мы этого не знаем.

Я бы хотел высказаться относительно некоторых сторон этого дела, в том виде как оно представлено иранским правительством, а не иранским представителем, так как я искренне верю, что этот последний предоставил нам всю имевшуюся в его распоряжении информацию. Как вам известно, было сделано несколько категорических заявлений; одно важное заявление было о том, что иранский закон, приведенный в конституции, не допускает никаких соглашений относительно нефти и никаких концессий, когда на территории Ирана заходятся иностранные войска.

Далее, в своем заключительном заявлении иранский представитель выразился приблизительно следующим образом:⁵⁷ «Как только войска будут уведены, я надеюсь и твердо убежден, что иранское правительство будет в состоянии вести переговоры с нашим северным соседом относительно этих нерешенных вопросов».

Это безусловно было очень определенное заявление. Мы все предполагали, что оно так и будет, так как я тогда сказал:⁵⁸ «Резолюция в сущности лишь интерпретирует заверение СССР в том, что он выведет свои войска и что, таким образом, Иран сможет разрешить прочие вопросы согласно своим соответствующим законам».

Как нам теперь известно, все это время велись переговоры. Мы знаем, что велись переговоры о нефтяном соглашении. Его можно называть акционерным обществом, но фактически это нефтяная концессия.

По мнению австралийской делегации, как только какое-либо государство передает то или иное дело в Совет Безопасности, его правительство обязано в интересах Организации и в интересах надлежащей в этом деле процедуры принять меры к тому, чтобы относящаяся к делу информация не утаивалась и чтобы не создавалось ложных впечатлений.

Перейдем ко второму вопросу этого дела — к присутствию советских войск в нарушение Трехстороннего договора. Каковы бы ни были первоначальные причины, по которым эти войска находились на территории Ирана, они были обязаны, во исполнение условий договора 1942 года, уйти к 2 марта. Однако они все еще там находятся, и это неоспоримый факт. В этом первые элементы нарушения договора, несмотря на то, что вывод войск уже производится.

Несомненно, что нарушение договора, который по своей сущности затрагивает жизненные интересы малого народа, представляет собой вопрос, которым Совет должен продолжать заниматься.

Что же касается мнения о том, что меры, принятые данной резолюцией, незаконны, неправильны и противоречат Уставу, то что бы мы лично ни думали об этой резолюции, считали ли бы мы ее правильной или неправильной, разумной или неразумной, — она все же была решением, которое было надлежащим образом принято требуемым большинством членов Совета. Это решение находится в соответствии с прави-

⁵⁶ См. двадцать девятое заседание.

⁵⁷ См. тридцатое заседание.

⁵⁸ Там же.

лами процедуры и мы им связаны. Кроме того, я ничего не могу найти в Уставе, что бы доказывало, что данное решение ему противоречит.

Любое государство-член Организации Объединенных Наций, утверждающее, что присутствие иностранных войск на его территории вызывает угрозу международному миру и безопасности, имеет право передать вопрос этот в Совет Безопасности, а Совет обязан его расследовать. Тогда этот вопрос становится уже собственностью Совета, даже если обе стороны и просят об его изъятии. Дело Совета постановить, является ли спор угрозой международному миру и безопасности.

Заявления того или другого отдельного члена Совета не освобождают Совет от обязательства расследовать дело и вынести постановление на основании установленных фактов.

Австралийское правительство оговорило свое право обследовать в случае необходимости, это дело 6 мая или до этого срока, и потому я не соглашусь на то, чтобы оно было снято с повестки дня.

Г-н ВЕЛЛОЗО (Бразилия) (*говорит по-французски*): Письмо, переданное сегодня представителем Ирана, безусловно создает положение, которое мы должны учесть. На первый взгляд кажется, что это письмо должно было положить конец вопросу. Очевидно, что решение, принятое Советом 4 апреля, было ответом на просьбу представителя Ирана. Его сегодняшнее заявление, в котором он берет обратно первое обращение, должно было бы логически привести Совет к тому, чтобы считать этот вопрос закрытым.

Но это не единственная сторона вопроса, есть другая сторона: вопрос находится теперь под юрисдикцией Совета. Теперь уже не во власти сторон решать, должен ли этот вопрос быть снят с повестки дня. Мне кажется, что это правильный и неоспоримый юридический принцип.

Совет не сомневается в слове, данном правительством СССР, которое, кроме того, подтверждено самим представителем Ирана. Но в данном случае Совет несет очень серьезную ответственность и его авторитет поставлен на карту — Совет может принять решение, за которое его в будущем могли бы упрекнуть.

Мне кажется, что обсуждение вопроса еще не дошло до той точки, которая позволила бы Совету удовлетворить просьбу, внесенную представителем СССР. Например, только из печати Совету стало известно о заключенных в Тегеране соглашениях. С другой стороны, эти соглашения были заключены под условием ратификации парламента, который в данное время даже еще не существует.

При таких обстоятельствах, чувство осторожности заставляет нас не вносить никаких изменений в наши прежние постановления. Поэтому, рассматриваемый нами сегодня вопрос должен оставаться, впредь до иного решения, на повестке дня Совета Безопасности.

А. А. ГРОМЫКО (Союз Советских Социалистических Республик): В своем письме и в дополнительных разъяснениях, которые я сделал на сегодняшнем заседании Совета Безопасности,

я указал на то, что предложение о снятии так называемого иранского вопроса с повестки дня является абсолютно обоснованным предложением, и если мы даже имели положение, существовавшее до того, как иранское правительство само заявило, что оно берет назад свое заявление, то теперь и иранское правительство поняло, что продолжать держать поднятый им 18 марта 1946 г. вопрос на повестке дня Совета Безопасности — бессмысленно, ввиду того что между Ираном и Советским Союзом достигнуто соглашение по всем вопросам. Поняв это, иранское правительство взяло обратно свое заявление, — я повторяю, — взяло обратно свое заявление. Совет Безопасности, таким образом, не имеет предмета для рассмотрения.

В свете этого, создавшегося на сегодняшний день, положения, которое, по-моему, является довольно ясным, задача Совета состоит в том, чтобы констатировать, что иранский вопрос считается снятым с повестки дня Совета. Я не думаю, что было бы полезно запутывать положение, как это делают г-н Стеттиниус и сэр Александр Кадоган. Слушая г-на Стеттиниуса и сэра Александра Кадогана, можно сделать вывод, будто бы страны, которые обращаются в Совет Безопасности по тому или иному вопросу, лишены права отзывать их же собственные заявления и обращения назад и снимать их с повестки дня Совета Безопасности. Я думаю, что такое утверждение противоречит Уставу Организации Объединенных Наций. Я не думаю, что такая тактика добавила бы что-либо положительное к престижу Совета Безопасности, а, скорее наоборот, подорвала бы этот престиж Совета Безопасности.

Представитель Австралии, доказывая, что иранский вопрос необходимо сохранить на повестке дня Совета, указал на то, что этот вопрос, якобы стал уже собственностью Совета Безопасности. Этим самым он подтвердил тезис, который был высказан г-ном Стеттиниусом. Смысл выступления г-на Стеттиниуса был таков, что страны, обращающиеся в Совет Безопасности, лишаются права взять назад свои заявления и обращения. Я повторяю, что такое утверждение и подобного рода утверждения нельзя согласовать ни со смыслом, ни с буквой Устава Организации Объединенных Наций.

До сих пор, при обсуждении советского предложения о снятии иранского вопроса с повестки дня, представитель США г-н Бернс, сэр Александр Кадоган и другие члены Совета Безопасности, не соглашавшиеся с предложением советского правительства, указывали на то, что невозможно снять этот вопрос без согласия иранского правительства. Но ведь сегодня иранское правительство сняло этот вопрос, взяло назад свое заявление, с которым оно обратилось ранее. Где же последовательность в выступлениях и заявлениях представителя США? Сейчас положение изменилось. Сейчас мы имеем перед собой не только предложение советского правительства, но сейчас мы имеем обращение от имени иранского правительства, в котором заявляется, что иранский вопрос взят назад. Я хочу процитировать сегодняшнее письмо г-на Гуссейна Ала на имя Совета Безопасности:

«Ввиду того что сегодня, 14 апреля, посол СССР вновь категорически подтвердил, что безоговорочная эвакуация Красной Армии с иранской территории будет закончена к 6 мая 1946 года, необходимо, чтобы Вы немедленно сообщили Совету Безопасности, что иранское правительство вполне верит слову и обещанию правительства СССР и по этой причине берет обратно свою жалобу Совету Безопасности».

Таким образом, нет сейчас никакого иранского обращения или заявления, которое могло бы явиться предметом рассмотрения Советом Безопасности.

Я слушал внимательно заявление г-на ван-Клеффенса. Он сравнивал Совет Безопасности с практикой финансовых институтов. Я не сомневаюсь и раньше не сомневался в больших познаниях г-на ван-Клеффенса в финансовых вопросах, но Совет Безопасности не финансовое учреждение. Совет Безопасности должен принять важное политическое решение, правильное и справедливое решение, иначе он рискует подорвать свой собственный престиж, что было бы не в интересах Организации Объединенных Наций, не в интересах Совета Безопасности, являющегося одним из важнейших органов этой Организации.

В заключение я хочу еще раз повторить то, что в настоящее время, после заявления иранского правительства о том, что оно снимает свое обращение с повестки дня Совета Безопасности, — мы не имеем предмета для рассмотрения на заседании.

Г-н БОННЭ (Франция) (*говорит по-французски*): Мы только что в течение двух часов занимались довольно сложными обсуждениями, которых могли бы избежать, если бы 25 марта, еще на первом заседании, на котором представителем Ирана был поднят этот вопрос, мы назначили докладчика. Я уверен, что сегодня в самом начале этого заседания докладчик предложил бы нам удовлетворительное разрешение этого спора. Но раз нам самим приходится изучать представленные нам документы, сделаем-те это совершенно объективно.

Что произошло? Мой друг, г-н ван-Клеффенс, очень справедливо напомнил, что с 25 марта мы рассматриваем вопрос, внесенный представителем Ирана, только с целью установить, отложим ли его рассмотрение. После различных перипетий, о которых я не буду упоминать, мы постановили одобренной нами всеми резолюцией отложить рассмотрение этого вопроса до 6 мая.

Что нового произошло с тех пор? Появилось два новых фактора. На следующий же день после принятия нами этой резолюции из совместного коммюнике правительств СССР и Ирана мы узнали, что достигнуто соглашение по вопросам, которые вызвали спор между обоими правительствами и обоими государствами.

Сегодня мы узнаем, что представитель Ирана берет обратно жалобу, поданную им в Совете. Несколько членов Совета все же предложили оставить этот вопрос на повестке дня.

Я должен заметить, что это создает прецедент. Совет еще не признает за государствами-членами Организации Объединенных Наций права

снимать вопросы, включенные по их требованию в повестку дня. Невозможно предвидеть, какие случаи могут возникнуть в будущем. Если мы сегодня примем такую процедуру, это может причинить нам впоследствии серьезные неприятности.

Устав очень хорошо выработан; когда существует угроза миру, все члены Совета и даже все государства-члены Организации имеют право требовать внесения вопроса на повестку дня. Статья 99 Устава предусматривает даже, что сам Генеральный Секретарь имеет право доводить до сведения Совета о любых вопросах, которые могут угрожать миру.

В данном случае мне кажется, что если произойдут новые события, могущие вызвать угрозу миру, то Иран или любой член Совета Безопасности или даже любой член Организации Объединенных Наций смогут снова потребовать внесения этого вопроса на повестку дня.

Все же, мне кажется, будет проще и удобнее снять этот вопрос с повестки дня, как просит Иран. Выполним ли мы таким образом наш долг? Я полагаю, что да.

Представитель Нидерландов упомянул статью 24 Устава, предусматривающую для Совета обязательство представлять на рассмотрение Генеральной Ассамблеи ежегодные доклады и, в случае надобности, специальные доклады.

До сих пор мы достаточно хорошо выполняли наши обязательства. У нас уже имеются все данные для доклада. Чего нам недостает? Мы ожидаем 6 мая, т. е. дня, когда мы узнаем о том, что вывод советских войск с территории Ирана закончен. Генеральный Секретарь может нас об этом известить. Мы все знаем, что получим такое сообщение.

При таких обстоятельствах я советую всем моим коллегам не усложнять ситуацию, которую мы несколько дней тому назад были счастливы считать улаженной, и не пытаться разрешать целый ряд юридических вопросов, которые многие из нас здесь возбудили.

По окончании настоящего обсуждения Совет мог бы принять следующую резолюцию:

«Совет Безопасности,

вновь рассмотрев на своем заседании 15 апреля вопрос, представленный 26 марта и внесенный под этим же числом⁵⁹ на его повестку дня,

принимает к сведению письмо представителя Ирана от 15 апреля,

отмечает, что между обоими заинтересованными правительствами достигнуто соглашение, и

порукает Генеральному Секретарю собрать все дополнительные сведения, необходимые для составления доклада по иранскому вопросу, который Совет должен представить Генеральной Ассамблее».

Г-н КАСТИЛЬО-НАХЕРА (Мексика) (*говорит по-французски*): Я не хочу затягивать это обсуждение. Как сказал мой друг, представитель Франции, речи которого я отдаю должное, не

⁵⁹ См. двадцать шестое заседание.

следует затягивать прений. Представитель Франции внес новое предложение. Я не знаю, дополнит ли он его. Если по этому поводу возникнут прения, есть риск, что обсуждение вопроса затянется.

Вопрос чрезвычайно прост: после того как мы выслушали заявления различных членов Совета, нам остается решить, следует ли снять с повестки дня иранский вопрос, как того просят представители СССР и Ирана, или, напротив, нам следует сохранить этот вопрос на повестке дня согласно резолюции, принятой Советом Безопасности 4 апреля?

Сегодня, как и в начале обсуждения, имевшего место в сентябре, прежде всего следует решить вопрос принципа. Дело было возбуждено в Совете на основании жалобы малой страны на то, что она стала жертвой вмешательства в свои внутренние дела и оккупации ее территории со стороны другого государства.

Совету было необходимо заслушать эту малую державу. Это было сделано полностью, как подобало. Таким образом, в мировом общественном мнении, а не только в мнении малых стран, создалось очень благоприятное впечатление. Малые страны почувствовали успокоение и вновь утвердили свою веру в Организацию Объединенных Наций.

Я не буду входить в детали развития иранского вопроса со дня его возникновения до сегодняшнего заседания Совета. Я только хочу сказать, что, сохранив этот вопрос на нашей повестке дня, мы только возвысим престиж и авторитет Совета.

Если спросят нашего мнения, я буду голосовать за сохранение резолюции от 4 апреля.

Г-н ЛАНГЕ (Польша) (*говорит по-английски*): В письме, переданном нам представителем СССР, содержится два вопроса. Один касается действий Совета в прошлом. Это — утверждение, что мера, принятая Советом 4 апреля, была неправильна и незаконна. Другой вопрос относится к тому, что должен делать Совет теперь ввиду новых событий, имевших место после 4 апреля.

Мне кажется, что первому вопросу не должно быть посвящено много времени. Он относится только к прошлому. Я все же хочу, чтобы в протокол было занесено, что польская делегация не разделяет точки зрения, что мера, принятая 4 апреля, была неправильна и незаконна.

Мы считаем, что она была вполне законна, так как резолюция была принята после рассмотрения письменных заявлений, представленных нам обоими правительствами, правительством Ирана и правительством СССР. Я полагаю, что этого достаточно, чтобы опровергнуть обвинение в неправильности.

Мы голосовали за резолюцию, потому что считали ее правильной. Если вы не считаете резолюцию правильной и отвечающей полезной цели, вы за нее не голосуете. Но это, как я сказал, дело прошлое, и нет смысла посвящать ему много внимания.

Другой вопрос значительно важнее. Он относится к двум новым событиям, имевшим место

после 4 апреля. Во-первых, было достигнуто соглашение между Ираном и СССР. Во-вторых, правительство Ирана берет обратно свою жалобу Совету Безопасности. Сегодня мы должны действовать, принимая во внимание эти два новых факта.

По моему мнению, ввиду достижения соглашения и ввиду того, что иранское правительство взяло обратно свою жалобу, следует считать этот вопрос закрытым и снять его с перечня вопросов, подлежащих рассмотрению Совета.

Я хочу указать, к чему приведет такая мера. Мой коллега, представитель Франции, уже подчеркнул, что в действительности этот вопрос не выходит из-под юрисдикции Совета, так как если случится что-нибудь непредвиденное и если советские войска не будут выведены из Ирана в срок, установленный правительством СССР, тогда любой член Совета и даже любой член Организации или Генеральный Секретарь всегда смогут опять внести этот вопрос в Совет.

Таким образом, вычеркивая вопрос из перечня вопросов, подлежащих рассмотрению Совета, мы на деле не отказываемся от нашей юрисдикции в будущем, но выражаем свою веру в обещание правительства СССР, веру, которую, как мы узнали сегодня, вполне разделяет правительство Ирана.

Здесь было указано, что государство не имеет права взять обратно жалобу, поданную им в Совет Безопасности. Я не разделяю эту правовую концепцию и считаю ее очень опасной.

Правда, что если Совет Безопасности по собственной инициативе берется за рассмотрение какой-либо ситуации, то эта ситуация, как было сказано, является собственностью Совета и только Совет может решить, следует ли этот вопрос снять или оставить в списке вопросов, подлежащих рассмотрению Совета. Но в данном случае это не так.

Рассматриваемое нами дело затрагивает вопрос, внесенный в Совет на основании жалобы одного из государств-членов Организации. Ввиду недавно имевших место новых событий и послуживших их основой фактов, в достоверности которых, я уверен, никто из нас не имеет оснований сомневаться, государство-член Организации берет теперь обратно свою жалобу. Я думаю, что Совет не имеет права оставлять это дело в своем ведении вопреки желанию обеих заинтересованных сторон. Если бы Совет так поступил, он бы определенно нарушил Устав. В статье 33 главы VI сказано:

«Стороны, участвующие в любом споре, продолжение которого могло бы угрожать поддержанию международного мира и безопасности, должны прежде всего стараться разрешить спор путем переговоров, обследования, посредничества, примирения, арбитража, судебного разбирательства, обращения к региональным органам или соглашениям или иными мирными средствами по своему выбору».

Значит, если два государства достигли разрешения спора какими-либо из «иных мирных средств по своему выбору», не дело Совета вмешиваться в это разрешение спора и создавать недоразумения между обеими сторонами.

Высказанная здесь мысль, что если государство-член Организации передает дело в Совет Безопасности, то оно не имеет права взять его обратно, и это дело становится собственностью Совета, особенно опасна для малых держав. Малые народы конечно нуждаются в защите Организации Объединенных Наций при нарушении их прав более могущественными соседями. Они также должны быть защищены от возможности стать орудием в руках могущественных держав, которые пользуются ими против своих столь же могущественных соседей.

На нас лежит долг обеспечить малым государствам такую защиту. Если мы этого не сделаем, то окажем поддержку опасной правовой концепции, согласно которой государство не имеет права взять обратно свою жалобу. В будущем это отобьет охоту у малых государств обращаться в Совет Безопасности в случае разногласий с их более могущественными соседями, так как ни одно малое государство не желает быть орудием в интриге между великими державами.

Поэтому я решительно стою на той точке зрения, что всякое государство имеет право в любой момент взять обратно дело, переданное в Совет Безопасности.

Правительство Ирана так и поступило. Оно заявило словами, которых нельзя не понять, что оно «берет обратно свою жалобу Совету Безопасности». Тут нет места какой-либо неясности, и поэтому, мне кажется, этот вопрос не должен дольше разбираться Советом. Вопрос этот затрагивает интересы правительства Ирана и правительства СССР.

Задача Совета заключается в том, чтобы действовать взаимопониманию сторон в спорных вопросах, и нам следует быть поэтому чрезвычайно осторожными, чтобы нашим вмешательством не нарушать такого взаимопонимания. Наша задача, я повторяю, заключается в том, чтобы помочь сторонам прийти к взаимному согласию, а не в том, чтобы возбуждать новые недоразумения между сторонами, которые уже сговорились.

АФИФИ-папа (Египет) (говорит по-английски): Я вполне согласен с заявлением, сделанным представителями Соединенных Штатов, Соединенного Королевства, Нидерландов, Бразилии и Мексики.

В качестве представителя Египта я считаю, что вопрос, находящийся на рассмотрении Совета, должен оставаться на повестке дня до тех пор, пока соглашение, достигнутое между СССР и Ираном, не будет проведено в жизнь 6 мая или до этого срока.

А. А. ГРОМЫКО (Союз Советских Социалистических Республик): Г-н Председатель, я уже имел возможность говорить о предложении, которое было внесено на этом заседании г-ном Стеттиниусом и потом нашло поддержку со стороны ряда других членов Совета Безопасности. Я считаю, что предложение г-на Стеттиниуса противоречит Уставу Организации Объединенных Наций. Это предложение означает, что члены Организации Объединенных Наций лишают-

ся права брать обратно свои заявления и обращения из Совета Безопасности, когда они считают это целесообразным сделать ввиду изменившейся обстановки и изменившегося обстоятельства. Это предложение и решение Совета Безопасности, если оно будет одобрено, находились бы в противоречии не только с Уставом, но и с суверенными правами государств-членов Объединенных Наций. Я поэтому считаю, что всякое решение Совета, которое лишало бы права членов Организации Объединенных Наций ставить, по их усмотрению, те или иные вопросы перед Советом Безопасности и снимать их, было бы неоправданным решением и противоречило бы, как я уже указывал, смыслу, духу и букве Устава Организации Объединенных Наций. У меня и раньше были сомнения, действительно ли за заявлениями американского и английского представителей в Совете Безопасности скрывается настоящее желание, чтобы разногласия между советским и иранским правительствами были урегулированы в максимальной степени спокойной обстановке.

Позиция, которая занята американскими и английскими представителями на сегодняшнем заседании Совета, находящаяся, к сожалению, поддержку со стороны некоторых других членов Совета Безопасности, — убеждает меня в том, что люди, которые действительно заинтересованы в наиболее быстром и спокойном урегулировании разногласий между Советским Союзом и Ираном, не могут вносить предложения, подобные предложению, которое было внесено г-ном Стеттиниусом. Позиция, занятая им сегодня на заседании Совета Безопасности, подтверждает, что имевшиеся у меня сомнения были оправдываемы.

Получается так, что как раз в тот момент, как раз в то время, когда разногласия между Советским Союзом и Ираном получили свое разрешение путем непосредственных переговоров, имевших место между советским и иранским правительствами, как раз в этот момент представители некоторых стран проявляют наибольшую настойчивость в том, чтобы создавать в максимальной степени больше шума и возни вокруг так называемого иранского вопроса. Похоже на то, что некоторыми людьми Иран рассматривается в качестве своего рода пешки, которую можно двигать по их собственному усмотрению, в зависимости от обстановки и той политической игры, которая проводится в данный момент. Но Иран, конечно, не пешка. Иран является суверенным государством. И уже во всяком случае Ирану и иранскому правительству лучше знать, какие шаги и какие меры им необходимо предпринять для того, чтобы достигнуть удовлетворительного разрешения разногласий, которые возникли между иранским и советским правительствами.

Иранское правительство считает, что эти разногласия сейчас разрешены, что обстановка — как выразился один из членов иранского правительства два дня тому назад — является спокойной в Иране. Иранское правительство считает, что результаты переговоров, выразившиеся в договоренности между иранским и советским правительствами по всем вопросам, отве-

чают государственным интересам Ирана. Руководствуясь этими соображениями, иранское правительство предприняло правильный шаг, сняв свое обращение, свое заявление с повестки дня Совета Безопасности.

Позиция представителя Соединенных Штатов Америки, которую он занял, является следующей: получается так, что американский представитель претендует на то, что он знает лучше, какие шаги должен предпринять Иран для того, чтобы считать разногласия, возникшие между иранским и советским правительствами, урегулированными. Но для такого вывода нет никаких оснований. Ведь это думает так представитель Соединенных Штатов Америки. Правительство СССР думает иначе. Правительство Ирана также думает иначе. Ведь давно известно, что о человеке судят не по тому, что он сам о себе думает, а по тому, что он представляет на самом деле.

Поэтому, если г-н Стеттиниус и сэр Александр Кадоган считают, что, внося и защищая это предложение, они лучше выражают государственные интересы Ирана, чем иранское правительство, то они просто ошибаются. Иран и иранское правительство выражают свою позицию с точки зрения суверенного государства и, как таковое, имеют полное право, как и все другие члены Организации Объединенных Наций, ставить любые вопросы перед Советом Безопасности, и, если они находят, что обстановка изменилась в лучшую сторону, они могут снимать соответствующие заявления или обращения. Так и поступил в данном случае Иран.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Согласны ли члены Совета закрыть заседание и собраться опять завтра утром? Становится поздно, а в моем списке еще есть несколько ораторов.

Г-н СТЕТТИНИУС (Соединенные Штаты Америки) (*говорит по-английски*): Я согласен, чтобы заседание было отложено до 11 ч. утра завтра, если мне будет разрешено в течение тридцати секунд высказаться по вопросу порядка ведения заседания.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Да, конечно.

Г-н СТЕТТИНИУС (Соединенные Штаты Америки) (*говорит по-английски*): Прежде чем мы закроем заседание и до начала дальнейшего обсуждения, в котором я надеюсь принять участие, я хочу, чтобы представителю СССР и Совету было ясно, что на сегодняшнем заседании я не вносил никакого предложения. Я попытался только пояснить Совету те причины, по которым правительство Соединенных Штатов не может поддержать просьбу, внесенную в Совет представителем СССР.

Сэр Александр КАДОГАН (Соединенное Королевство) (*говорит по-английски*): Я не намерен затягивать прений, если они будут возобновлены завтра. Тогда я выскажусь по различным пунктам. Но я хочу сейчас сказать одно. Я не хотел бы, чтобы Совет разошелся, прежде чем я вкратце не отвечу на два-три замечания, сделанные представителем СССР во время его выступления.

Представитель СССР заявил, что он уже раньше сомневался в действительном и искреннем желании моего правительства найти мирное разрешение вопроса и что мое поведение сегодня подтверждает его сомнения.

Я хочу сказать представителю СССР, что он совершенно ошибается в этом случае. Мы всегда желали найти разрешение этого вопроса; присоединяясь к принятой подавляющим большинством членов Совета резолюции от 4 апреля, мы считали, что разрешение найдено. Если бы правительство СССР выполнило данные нам заверения, вопрос этот вообще не разбирался бы больше Советом.

Кто возбудил этот вопрос сегодня? Сделал это представитель СССР, который потребовал, чтобы Совет отменил свою собственную резолюцию. Если бы он этого не сделал, я уверен, что об иранском вопросе больше не было бы и речи.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Следующее заседание Совета состоится завтра в 11 ч. утра.

Заседание закрывается в 6 ч. 20 м. веч.